

Джо Тёрни

(Jo Turney) — профессор Винчестерской школы искусств (Саутгемптонский университет). Основательница и редактор журнала Clothing Cultures. Автор книг «Культура вязания» (The Culture of Knitting, 2009), «Преступления моды» (Fashion Crimes, 2019) и «За закрытыми дверями: дизайн домашнего интерьера в Великобритании и США 1970-х годов» (In Private: Domestic interior design in the UK & US in the 1970s; 2023, готовится к печати).

СНЯТЬ напряжение: вязание и развитие стойкости

Любителям вязания повезло. Когда мир смыкается вокруг нас плотным кольцом, так что мы разрываемся между своими желаниями и обязанностями, нам есть куда бежать.

Мы достаем пряжу и спицы. <...> Для побега нужны всего-навсего затейливые палочки и нитки... Никто не смотрит косо, когда мы выходим из игры, принимаясь за любимое занятие, позволяющее нам спокойно подумать.

(Scruggs 2004: 89)

Введение

С тех пор как в конце 1990-х годов я начала писать о вязании, вышло множество книг, где вязание представало как путь к эмоциональному благополучию, как духовная, медитативная или созерцательная практика, в частности «Сутра о вязании» (Lydon 1998), «Вяжем вдумчиво» (Manning 2004), «Дзен и искусство вязания» (Murphy 2002). Во многих текстах такого рода упор сделан на то, как вязание помогает обрести душевное равновесие, преодолеть трудности, пережить

горе, утрату и болезнь. В центре внимания — история вязальщицы, движение от материалов к готовым изделиям и вместе с тем от недуга к здоровью. Главный вывод заключается в том, что авторы превозносят вязание как целительное, требующее сосредоточенности занятие, обеспечивающее человеку пространство для размышлений, а с ним и способность справиться с телесными недомоганиями и давлением извне. По сути, вязание, по крайней мере по мнению авторов таких книг, может спасти душу¹, тело и помочь исцелиться.

В научной литературе, появившейся в начале 2000-х годов, вязание тоже рассматривалось как синоним эмоционального благополучия, как способ справиться со стрессом, поднять настроение и обрести уверенность в ситуации неопределенности, в чем бы ни заключались ее причины. Этот подход вырос из того же набора социальных и исторических условий, что и тексты об эмоциональном благополучии и его важности в повседневной жизни. По мере того как развивалась эта дискуссия и формировались представления об эмоциональном благополучии личности, группы, семьи и рабочего коллектива, возникли и новые концепции взаимосвязи между вязанием и душевным равновесием. В них отчетливо просматривается акцент на психическом и физическом здоровье человека, вынужденного «справляться», «функционировать» или, как часто стали говорить в 2021 году в связи с пандемией коронавируса, «проявлять стойкость».

С 2010-х годов рукоделие, особенно вязание, действительно начало играть важную роль в политических нарративах Великобритании, связанных с темой здоровья, благополучия и «счастья» нации в целом. Участники таких дискуссий апеллируют к присущим и приписываемым вязанию ценным качествам и к его истории как целительного занятия с XIX века, переплетая эти идеи с неолиберальными концепциями и политикой, а в 2021 году, в условиях пандемии, усмотрев в вязании еще и способ развить и продемонстрировать стойкость.

Эти едва заметные изменения в риторике значат, по-видимому, куда больше, чем в 1990-е годы — когда она строилась в основном вокруг понятия стиля жизни, — и восходят к наиболее ранним представлениям о связи между вязанием и душевным равновесием, к XIX столетию с его культом индивидуализма, саморазвития и протестантской этики труда, где на первый план выходят работоспособность, личная ответственность и общественный контроль.

Тенденция рассматривать вязание уже не как занятие, нацеленное на практический результат, а как стратегию адаптации или средство ослабить вызванное резкими переменами потрясение свидетельствует

о новых подходах к домашнему рукоделию, причем все они отражают породившие их более широкие социально-культурные проблемы. В этой статье я попытаюсь проследить, как люди прибегают к повседневным творческим практикам в качестве самопомощи, чтобы укрепить телесное и психическое здоровье в духе нью-эйдж, политической и неолиберальной повестки, и вместе с тем придерживаются культурных норм, укорененных в индивидуалистических идеях Викторианской эпохи. Верим ли мы, что вязание поможет нам собраться, или так мы маскируем свою самостоятельность и нехватку систематической социальной поддержки?

В этой статье я, обращаясь к практике любительского вязания и опираясь на исследования, проведенные в 1990-х годах по методу устной истории, а также ссылаясь на более современные примеры аналогичных подходов, анализирую опыт, ценность и политику рукоделия в XXI веке.

Почему вязание?

Вязать — значит с помощью двух спиц набрасывать петли, продевая в них нить. По сути, все вязание строится на двух видах петель, лицевых и изнаночных, провязываемых движением от себя или на себя, и, как и все простые на первый взгляд процессы, построенные на бинарной системе, например алгоритмы или используемый компьютерами двоичный код, способно принимать чрезвычайно сложные формы, трудные для понимания и выполнения. Именно благодаря своим основам вязание подходит для лечебных целей — в буквальном и переносном смысле.

Если мы хотим понять связь между вязанием и его предполагаемыми целительными качествами, следует начать со свойств вязаного полотна. Как я уже сказала, вязка состоит из переплетенных петель, поэтому ее конструкция кажется непрочной (сплошь состоящей из дыр), но на самом деле надежна и пластична. При изготовлении одежды трикотаж используют для эластичных тканей, адаптирующихся к любой фигуре (вспомните легинсы из джерси), а в строительстве — для укрепления конструкций в зонах с повышенной сейсмической активностью; если же говорить о домашнем интерьере, вязаными чехлами накрывают чайники — чтобы и чай не остывал, и люди, взявшись за чайник, не обжигались. Иными словами, трикотаж — стойкий материал, приспособливающийся к разным потребностям и обстоятельствам, но в то же время обеспечивающий защиту и поддержку. В качестве иллюстрации можно привести проект Франсуазы Дюпре

«Высиживание яиц» (Brooder, 1999–2012): художница разместила куриные яйца в миниатюрных вязаных «люльках».

На фоне практических знаний о стойкости трикотажа можно прочертить более метафорические нарративы: мы сами (наша кожа), как отмечает Лакан, состоим из сплошных отверстий; у нас есть слабые места и страхи, мы ищем поддержки и защиты (Cavallaro & Warwick 1998). Часто мы ищем ее в одежде и других способах укрыть и защитить тело, чтобы обезопасить его от воздействия окружающей среды и любой потенциальной угрозы нашему здоровью и жизни. Однако мы способны взаимодействовать на более эмоциональном уровне; мы тоже хрупки и несовершенны, но тоже можем стать сильными, если приспособимся к своей среде и предназначению. Своими действиями мы можем производить нечто осязаемое, и эту мысль можно обобщенно применить к уверенности, что нам дано менять обстоятельства к лучшему.

СВЯЗНОСТЬ и единственная нить

Помимо идеи силы, заключенной в слабости, вязание открывает перед нами разнообразные возможности, опять же как присущие ему, так и воображаемые. Умение соткать полотно из единственной нити — почти магический по своей сути процесс, столь же овеянный мифами, как представление о парках, отмеряющих нить нашей судьбы. Вязание легко позволяет нам метафорически воспроизвести движение этой единственной нити от рождения к смерти — со всеми ее изгибами, началами и концами, меняющимися узорами, оттенками и натяжением. В отличие от жизни, где ничего нельзя «переделать», нитки можно распороть и распустить, а затем перевязать изделие, чтобы получилось лучше или чтобы придать ему целостность. Можно исправить ошибки со второго, третьего, а то и еще какого-нибудь раза, и если в жизни они непредсказуемы и не поддаются контролю — как бывает с неверными шагами, неудачами и травмами, — то с вязанием все иначе: всегда можно начать с нуля. О возможности исправить «ошибки» говорит сестра Элизабет, отмечая, что вязание помогает ей обрести спокойствие, несмотря на стресс на работе.

Она рассказывает: «Я обнаружила, что не могу закрыть глаза на ошибку. Мне надо вернуться назад, все распустить — неважно, сколько я уже успела связать, — и переделать. Когда подруга застает меня за этим занятием, она думает, что у меня не все дома. „Да никто не заметит“, — говорит она. „Но я же вижу“, — отвечаю я. Часто я думаю,

как было бы здорово, если бы я могла так же легко исправить ошибки, которые сделала в жизни» (Murphy 2002: 149). Здесь сестра Элизабет, вероятно, не одинока (Maddock 2014), но не стремление добиться идеальной вязки движет вязальщицами и дискуссиями вокруг вязания и эмоционального благополучия. Акцент делается на признании недостатков; понимание, что «человеку свойственно ошибаться», помогает перестроиться и смириться с тем, что никто не идеален и ничто не совершенно, а значит, пересмотреть свои требования к жизни и желание полностью ею управлять.

Вязать и перевязывать, делать ошибки и исправлять их — понятный способ обрести контроль над ситуацией, идет ли речь собственно о вязании или о вязании как возможности поразмышлять о событиях своей жизни. Это шанс выстроить новые нарративы, пересмотреть точку зрения, поставить под сомнение значимость мыслей или пропущенных петель.

Отмеряя время

Вязаное полотно складывается из отдельных элементов, а потому поддается измерению, что делает его идеальным способом продемонстрировать себе, что справляешься с трудностями. Тому, кто вяжет, приходится считать петли и ряды, показывающие, что человек занят, и отмеряющие время. Чем больше мы вяжем, тем больше разрастается наше вязание и тем легче нам наблюдать прогресс. Вязание во многом похоже на путешествие: у него есть отправная точка и пункт назначения, но как туда добраться — зависит от вовлеченности того, кто вяжет и полностью контролирует ситуацию. Для разных людей пункт назначения будет разным; необязательно связать шарф или свитер, ряды вязаного полотна могут воплощать путь от болезни к выздоровлению, от смятения к спокойствию или хотя бы к состоянию принятия. В каждом таком путешествии вязание показывает, сколько времени затрачено на дорогу.

Иллюстрацией такого восприятия может служить свидетельство респондентки, учившейся вязать во время лечения от анорексии в психиатрической клинике². В рамках курса лечения, включавшего в себя попытки «подкупить» ее лакомствами и, наоборот, лишить их, ее, как и других пациентов с аналогичными расстройствами пищевого поведения, учили вязать. Психиатрическое отделение, куда ее поместили, располагалось в больнице общего профиля, где в крыле, отведенном под роддом, находилось и отделение для недоношенных детей. Сначала пациентам предлагали вязать кардиганы и пижамные

курточки для этих младенцев, слишком маленьких, чтобы на них можно было купить одежду; наверное, отчасти эти вещи олицетворяли хрупкость их самих и других людей, но вместе с тем указывали на конструктивно и с пользой проведенное время. Цель такой стратегии лечения — вытеснить заикленность на еде заикленностью на вязании, а затем вовсе избавиться от заикленности, установив таким образом дистанцию между пациентами и непосредственным объектом их одержимости. Однако упомянутая респондентка после многих, по ее словам, неудачных попыток, поняла, что ей не хватает умения и, постеснявшись передавать свое изделие детскому отделению, продолжила вязать для себя. Она связала игрушечного медведя.

«Теперь смешно вспомнить, как я гордилась тогда, что связала его. Я очень старалась, приходилось подолгу сосредоточенно работать. Не помню, чтобы я об этом думала, но, кажется, я слишком туго его набила, потому что сама чувствовала себя примерно так же, а лапы пришлось подвязать внизу, потому что они все время топорщились и их надо было как-то зафиксировать» (Мисс Т, 1998).

Когда ее госпитализировали, респондентка весила 28,5 килограмма и регулярно тренировалась.

«Я сохранила мишку из-за связанных с ним воспоминаний. Он страшный и искореженный — настоящий уродец, но он напоминает мне о том времени, о том, как далеко я зашла и как ужасно было в больнице. Я храню его в гардеробе. Не кладу на видное место — не хочу на него смотреть» (Мисс Т, 1998).

Респондентка буквально закрыла дверь, отгородившись от тяжелого периода своей жизни, и, в отличие от других игрушечных медведей, которых хозяева любят, этот не вызывает таких чувств. Однако хозяйка сохранила его в качестве напоминания, как еще близко это трудное для нее время, как болезненно она его воспринимает, но вместе с тем, как далеко она от него ушла. Расстояние между болезнью и здоровьем. Может показаться, что, раз конечный результат не так важен, умаляется значение навыка, обучения, эстетики — параметров, ассоциирующихся с ручным трудом. Но и сам процесс свидетельствует о развитии навыка, это своего рода «кривая обучаемости», возможность выправить то, что «не получилось» или к чему можно было найти другой подход, — возможность, которой мы лишены в жизни.

В такой ситуации вязание не просто психологическая игра. Вязание — физическое упражнение, основанное на повторяемости и ритмичности; чтобы вязать и сохранять нужное натяжение нити, приходится задействовать всю верхнюю часть тела, поэтому в процессе человек может, покачиваясь, «убаюкивать» себя. В текстах о вязании,

публикуемых с начала 2000-х годов и рассчитанных на массового читателя, характерные для него повторяющиеся движения описывались как «осознанные», «медитативные», «созерцательные», что перекликается с буддистскими представлениями и практикой йоги. Повторение в данном случае создает мыслительное пространство для гармонии сознания и тела и для покоя.

Вязанию можно научиться, а значит, оно позволяет двигаться от простого к сложному и отслеживать прогресс на уровне усвоения навыков. Как я уже сказала, если человек освоил два основных вида петель, он уже научился вязать, а значит, увидит прогресс почти сразу. Благодаря такому легкому началу те, кто учится вязать, реже бросают это занятие, могут изготовить легко узнаваемый предмет, например шарф или наволочку, набираются уверенности в своей способности справляться (и успешно) с новыми задачами и переходят к более сложным узорам. Можно измерить умение и объем, а можно — усидчивость и старательность.

Таким образом, мы видим, что вязание можно рассматривать как путь, свидетельствующий о прогрессе, который выражается, скажем, в том, сколько за сегодня связано рядов, и вместе с тем способствует выработке новых навыков — так, связать шарф относительно легко, а вот джемпер по фигуре уже гораздо сложнее. Наглядный прогресс помогает набраться уверенности, поэтому человек гордится сделанной работой, отчасти способствующей реализации «личностного потенциала» (по данным ВОЗ; 2009; ср.: Corkhill et al. 2014).

Проклятие праздности: деловитость еще не дело

Вязание и другие виды любительского рукоделия издавна ассоциировались с нетрудоспособностью. В XVIII и XIX веках они считались подходящим занятием для мужчин, поправляющихся после полученных на поле битвы ранений, и истерических женщин (Pearl-McPhee 2005: 51), а в XX веке за непрофессиональным ручным трудом в популярной культуре прочно закрепилась репутация занятия для пожилых, немощных и страдающих различными недугами. Если не считать кратковременных всплесков моды на связанные вручную вещи, вязание в коллективном сознании по-прежнему вызывает ассоциации с пожилыми дамами, дешевыми мелочами, которые продают на благотворительных ярмарках, и предметами, не вписывающимися ни в представления о «хорошем вкусе», ни в увлекательный мир массового производства.

Такие представления отвечают общественным идеалам и моральным императивам, восходящим к викторианским концепциям индивидуализма и самостоятельности, на которых строилось обучение разным видам ручного труда, — учащиеся из рабочих семей приобретали навыки, обеспечивающие им занятость в будущем. Здесь ручной труд, в особенности рукоделие, например вязание или шитье, приравнивался к работе, только менее квалифицированной и хуже оплачиваемой, и одновременно помогал довольствоваться тем, что есть, — в частности, чинить одежду, а не покупать новую. В такой социально-политической трактовке подобные занятия предстают как работа, но не приносящая достаточно прибыли, чтобы выгодно ее продавать, а потому обособленная от рынка. Можно сказать, что ценность вязания состояла во вложенном в него труде (как в случае со сдельной работой), но его основной функцией оставался общественный контроль — оно служило средством борьбы с праздностью — состоянием, способным толкнуть человека к бродяжничеству, аморальным поступкам, преступлениям и всевозможным порокам.

Анализируя творческие практики женщин, многие историки искусства и дизайна обращались к теме рукоделия как символа нравственности с XIX столетия по сей день (Parker 1996; Nead 1988; Birman 1999). С точки зрения протестантской этики труда «праздные руки служат дьяволу», а потому полезная и усердная работа — такая, как вязание, — выполняемая в «свободное» время, особенно для блага менее привилегированных членов общества, входила в эталон женственности (Birman 1999: 33–54). Вместе с тем, хотя вязание и требует некоторой концентрации, им можно заниматься одновременно с другими делами: пока смотришь телевизор, сидишь с детьми, ждешь, когда постирается белье в стиральной машине или когда надо будет приготовить обед. Вязание позволяет конструктивно «заполнить» время и пространство между домашними обязанностями. Афи-Оделия Скраггс подметила эту особенность в книге «Спицы, вредные девицы и не только»: «...Предки-пуритане научили нас: праздные руки — праздный ум, а праздный ум — чертям раздолье. Как бы то ни было, для вязальщицы сидеть без дела почти невыносимо, поэтому, чтобы загладить вину, мы тянемся к спицам. Кусочки нашей души срываются, и вот мы снова ощущаем себя единым целым» (Scruggs 2004: 91–92).

Респондентки, у которых я брала интервью в 1990-х годах, рассказывали, что вязание помогает им занять себя дома, в долгой дороге, в очереди к врачу и так далее: «Когда мои руки ничем не заняты, мне кажется, что я теряю время. Вязание можно взять с собой куда

угодно, а закончить ряд — в два счета... Оно отвлекает меня от скуки или тревоги, которую я часто ощущаю, особенно у стоматолога... звук бормашины слабеет» (миссис А, 1998).

Такие высказывания наводят на мысль о двух разных гранях унаследованного нами восприятия вязания как «нравственного» или «полезного» занятия: во-первых, вязание — для многих по-прежнему способ «занять себя» и тем самым избавиться от чувства вины (вызванного праздностью), а во-вторых, оно ободряет и помогает восстановиться. Складывается впечатление, что вязание до сих пор в значительной мере принадлежит области морали, хотя теперь акцент сместился на саморазвитие.

Если мы отталкиваемся от того, что привычка «не сидеть без дела» облагораживает — ведь, как сказано в пословице, «дьявол найдет чем занять праздные руки», — мы видим, что с социальной и моральной точки зрения приемлемы производство и производительность, присущие миру труда, а не противопоставленная им «лень». Если рассматривать работу как нечто, чем человек занимается, чтобы обеспечить себя материально, но одновременно и для общего блага, мы приходим к выводу, что здоровье индивида неразрывно связано со здоровьем нации. Поэтому работа играет важную роль, с одной стороны, в нарративах, связанных с принадлежностью к определенной группе, с другой — в представлениях о «благе».

Такая картина отражает приоритет оплачиваемой работы, но, как отмечали все феминистские теоретики и историки, писавшие о домашнем труде с XIX века по сегодняшний день, финансовая ценность хозяйственных обязанностей нулевая или очень маленькая, поэтому они ценны «благими делами и намерениями». Дела эти могут заключаться в сборе средств на благотворительность или обеспечении «полезным» трудом тех, кто лишен возможности работать за деньги. Жертвы войны, пациенты больниц, люди с различными недугами и те, кому не удавалось найти оплачиваемую работу, благодаря вмешательству государства получали возможность заниматься ручным трудом, который, как считалось, действовал на них целительно, приносил некоторый доход и служил полезным занятием (Pettigrew et al. 2017). После Первой мировой войны британские благотворительные организации, в частности Колледж святого Дунстана (Carden-Coyne 2019), и социальные работники обучали безработных из бедных регионов, в частности северо-восточной Англии, различным ремеслам (Bing 1981). Центральное место отводилось таким видам рукоделия, как вышивание и ткачество, но и вязание получило широкое распространение (Townsend & Friedland 2016) — такие занятия призваны были

внушить представление о бережливости и пользе. Благодаря этой практике, широко пропагандируемой и наблюдаемой повсеместно, прочно утвердилась связь между лечением, реабилитацией, приносящей доход занятостью и ручным трудом. К тому же акцент делался на обучении, а значит, навык можно было постепенно развивать и оттачивать, причем именно тот навык, который приносил человеку наибольшую пользу в плане здоровья или финансового положения.

Занятость как здоровое состояние

Трудотерапия появилась в результате тех же культурных и исторических предпосылок, что и восприятие вязания как нравственного и полезного времяпрепровождения, — восстанавливая здоровье и занимаясь делом, приносящим некоторый доход, человек утверждался в своих правах, обретал уверенность в собственных силах и самовыражался (Bockhoven 1971; Christiansen & Baum 1998: 34).

Вязание строится на повторяющихся движениях и двух видах петель. Освоив хотя бы один из них, вы уже можете вязать. Иными словами, в вязании нет ничего сложного, оно под силу большинству людей. Вязаное полотно состоит из петель, и, научившись выполнять петли одного или нескольких видов, даже совершенный новичок может добиться результата — что-нибудь связать. То есть вязание — это «просто», оно не требует особых навыков или усилий и поэтому даже противоречит представлениям о ручном труде, обычно требующем мастерства. Однако такой взгляд искажает реальное положение вещей (вязание бывает чрезвычайно замысловатым, требующим профессионализма и сложным), зато именно легкость в освоении азов и возможность постепенно продвигаться к новым уровням сложности делают вязание идеальным занятием для наглядной демонстрации прогресса.

«Вязание строится на выполнении петель, из которых складывается ткань. Когда мы вяжем, мы снова и снова сосредоточиваемся на естественном ритме создания ткани из пряжи: вставляем спицу, поддеваем нить, протягиваем ее в петлю — и снова все то же самое. Простая последовательность повторяющихся действий — основа созерцательных практик. Она постоянно напоминает нам о необходимости концентрации, о том, что надо жить настоящим. Когда мы вяжем с должным вниманием, мы испытываем почти невыразимое чувство удовлетворения и покоя. Такое вязание — своего рода медитация» (Manning 2004: 4).

Так Тара Джон Мэннинг начинает предисловие к своей книге «Вязем вдумчиво», четко обозначая связь между вязанием и созерцанием. Здесь он фокусируется на особенностях, ассоциируемых с ручным трудом в целом: повторяемости, сосредоточенности и совпадении движений руки и мысли. Можно предположить, что любой ручной труд — труд «вдумчивый» и «медитативный»: Мэннинг пишет, что «вдумчивая вязальщица сосредоточена на многократном выполнении одинаковых петель» (Ibid.: 9), но это применимо и ко множеству других занятий.

Мэннинг придерживается подхода, где вязание располагается на стыке двух областей — медицинской (трудотерапия) и духовной, отдаленно напоминающей буддистские практики, но предполагающей самый широкий спектр религиозных воззрений, отвечающих взглядам того, кто читает книгу (и вяжет). Любопытно, что холистический подход к вязанию как способу достичь эмоционального благополучия не так уж далеко отстоит от упрощенных методов когнитивной психотерапии, как может показаться.

Психиатр Адольф Мейер полагал, что люди «учатся организовывать свое время и выстраивают его вокруг определенных действий» (Meuer 1922: 100). От «действий» во многом зависит эмоциональное и физическое благополучие человека, равно как и его самореализация. Ценность с пользой проведенного времени выражается в том, что осуществление и доведение до конца различных действий повышает самооценку, внушает веру в успех и желание продолжать. Высокая самооценка и ощущение успеха, в свою очередь, приносят радость и удовлетворение — человек гордится сделанным. Поэтому рукоделие, труд, вообще вовлечение в какую-либо деятельность укрепляют уважение к себе и уверенность, а значит, повышают качество жизни в целом. Энн Уилкок пишет: «...Виды деятельности, предполагающие определенную цель и приносящие удовлетворение, способны служить для поддержания гомеостаза, поддерживая активность различных частей тела, нейронов и интеллекта на максимальном уровне и помогая завязывать и развивать полноценные и вдохновляющие социальные отношения... Если люди в состоянии удовлетворить эту потребность или если поощрять их к этому, они не только обеспечат себе условия, необходимые для жизни и ощущения безопасности, но и укрепят здоровье» (Wilcock 1994: 23).

Иными словами, деятельность не только повышает качество жизни, но и полезна для здоровья.

«Качество жизни» — выражение и понятие, привычное для постмодернистского общества. За ним стоит распространенное мнение,

что в жизни обычно чего-то не хватает, но ее можно сделать лучше, приятнее или счастливее. Как ни парадоксально, в поисках этого «блага» люди обычно упускают то, что составляет его суть, поэтому их поискам нет конца. Воспользовавшись сравнением Зигмунта Баумана, можно назвать эти искания паломничеством, связывающим прошлое, настоящее и будущее. Идея паломничества особенно важна потому, что оставляет простор для самоанализа, открытий и возможности взять свою жизнь под контроль. Таким образом, речь идет о деятельности, стремящейся к некоему завершению, а потому дающей ощущение достигнутой цели.

Под трудотерапией понимают прежде всего оздоровление через работу, деятельность, ручной труд, занятость, укрепляющую психическое и физическое здоровье, что помогает человеку удовлетворить повседневные потребности. Ведь человеческий организм обретает и удерживает равновесие в окружающей его действительности за счет активной жизни и применения своих способностей (Meuer 1922; Christiansen & Vaum 1971: 27).

Уверенность, что между сознанием и телом существует неразрывная связь, побуждает сочетать ручной труд с воздействием на мыслительные процессы, чтобы помочь выздоровлению. Доктор Роберт К. Бинг, профессор Техасского университета и специалист по трудотерапии, выделяет четыре базовых ее элемента, непосредственно связанных с практикой ручного труда и описанных в современных текстах о медитативном и вдумчивом вязании (Bing 1981: 499–518). Эти элементы отражают представление о сознании и теле как частях целого: деятельность помогает осознать чувства, мысли и эмоции, дающие ощущение достигнутой цели, а значит, и внутреннего удовлетворения. Доктор Бинг утверждает: «К числу ключевых аспектов относятся: привычка к внимательности и заинтересованности, ощущение полезности и творческих возможностей выбранного занятия, обучение и приобретение навыков и, наконец, наглядность результата» (Ibid.).

Добиться этого можно, поддерживая или установив баланс между интеллектуальными и практическими навыками, необходимыми в повседневной жизни, то есть работой, досугом и отдыхом. К тому же важно, чтобы пациент понимал природу своей боли, сопровождающей любой недуг, и хотел от нее избавиться, сознавая при этом, что он хозяин своей судьбы. «Человек — продукт собственных усилий, а не изготовленных им предметов или выполненных действий», — заключает Роберт Бинг (Ibid.).

Этот подход во многом перекликается с рассказами моих респондентов, уверенных, что, когда они вяжут ряд за рядом, они словно

пускаются в путешествие и могут наблюдать осязаемый прогресс (изделие растет или формируется у них под руками), в психологическом плане воплощающий движение от болезни или отчаяния к некоторому душевному равновесию. Одна респондентка, много лет страдавшая приступами депрессии, призналась, что ее «успокаивает шелканье спиц»: «Я растворяюсь в этом звуке, хотя он до крайности раздражает моего мужа» (миссис Д, 1998).

Если обратиться к текстам, где вязание рассматривается как созерцательная практика, в них, как и в трудотерапии, акцент делается на опыте. Опыт в данном случае свидетельствует не только о пройденном пути (хотя и это важно), но и о восприятии самого процесса.

Опыт начинается со способности создавать и поддерживать состояние равновесия и покоя, для которого характерна «вдумчивость», и строится на этой способности. Вдумчивость, как и медитация, предполагает направленность и активное усилие, способствуя медитативному состоянию и позволяя сосредоточиться на прогрессе, задействуя одновременно тело и сознание. Вдумчивость привязана к конкретному мгновению, у нее нет прошлого и будущего, ее можно понимать как выражение и переживание бытия.

Может быть, это даже не вдумчивость, но, как бы то ни было, это проявление «поглощенности делом», когда человек «растворяется в потоке деятельности, а сознание и тело работают согласованно, двигаясь по одной и той же траектории» (Yair 2011: n.p.). В докладе о ручном труде и эмоциональном благополучии, прочитанном по следам популярных дискуссий о ручном труде как «потоке» и разновидности «конструктивной зависимости», способной вытеснить зависимости более вредные, Карен Йер отмечает: «Эта „конструктивная зависимость“ возникает благодаря ритмичным, повторяющимся движениям, характерным для вязания, как и для многих других видов ручного труда. Поглощенность такого рода делом не просто занимает мозг и отвлекает его от других мыслей, но, как показали клинические исследования, повышает уровень серотонина в крови, отвечающего за настроение, поэтому расслабление и „вдумчивость“ часто ассоциируются с медитацией» (Ibid.: n.p.).

Эти свойства ручного труда принято считать средствами, пригодными для борьбы с хроническими недомоганиями и улучшающими общее состояние. В каждой такой трактовке мы видим непосредственную связь между вязанием и а) здоровьем и душевным равновесием, поддерживаемым благодаря самосовершенствованию; б) «полезным» и продуктивным занятием как работой, нравственной и устремленной к благу; в) физически активным, поддающимся измерению процессом

как способом достичь цели; г) достижением цели как основой для уверенности в себе, признаком того, что человек справляется, благополучен и/или обладает стойкостью. На первое место здесь, вероятно, следует поставить оценку достигнутого и связанную с ней самооценку, потому что, если человек способен научиться вязанию, заниматься им и увидеть прогресс, значит, он может добиться того же в других обстоятельствах и при выполнении других задач. Так действительно ли вязание способно исцелить или привести к катарсису, а если да, как это свойство следует анализировать, формулировать и оценивать?

Вязание и СТОЙКОСТЬ

«С каждым изделием возникают свои трудности. Над каким бы свитером я ни работала, были периоды, когда у меня просто опускались руки и я чувствовала, что увязла. Если ты не бросаешь, двигаешься дальше вопреки трудностям и доводишь дело до конца, то чувствуешь огромное удовлетворение. А потом остается только вещь, а вещи недолговечны и ценность их невелика» (Murphy 2002: 98).

В разговорах об эмоциональном благополучии и стойкости, вновь ставших актуальными во время пандемии коронавируса, когда многие обратились к стратегиям и навыкам, помогающим пережить кризис, на первый план часто выходят гибкость и умение приспосабливаться к меняющейся обстановке.

Бетсан Коркхилл и Джилл Рили в своей недавней работе подтверждают связь между вязанием и эмоциональным благополучием (Corkhill et al. 2014: 34–57). Опираясь на определение Фелиции Хупперт («сочетание хорошего самочувствия и эффективной работы», Huppert 2009: 137; ср. Corkhill et al. 2014: 36), они полагают, что человек обретает душевное равновесие, когда «способен реализовать свой личностный потенциал, справляться с повседневным стрессом и приносить пользу обществу» (World Health Organization 2009; ср. Corkhill & Riley 2014: 36). Этот аспект, подчеркивают авторы, всегда играл важную роль в дискуссиях о ручном труде и о «здоровье нации», повысивших ценность творческих практик в повседневной жизни. Будучи частью политической повестки, ручной труд, в том числе вязание, стал предметом политического анализа и манипуляций.

Акцент на моральном аспекте и своеобразии, которое в данном случае можно назвать «инаковостью», — прямое следствие появившихся в Викторианскую эпоху понятий саморазвития и прав человека, входивших в протестантскую этику труда и в значительной степени способствовавших появлению трудотерапии (обусловленной теми

же культурными предпосылками), равно как и более современных популярных текстов о медитативном вязании, а также сложившихся в период пандемии и после нее интерпретаций вязания как способа проявить стойкость. Хотя с культурной и исторической точек зрения все эти подходы к домашнему рукоделию, включая и вязание, самостоятельны и решают, как может показаться, разные задачи, в их основе лежит и политически мотивирует их один и тот же набор идеалов — вне зависимости от того, кто обсуждает эти практики или участвует в них.

С 2021 года дискуссии об эмоциональном благополучии приняли более целенаправленный и политизированный характер, постоянно возвращаясь к «стойкости». Стойкость — многогранное качество, но, если обобщать, она выражается в гибкости (умении приспосабливаться к изменениям), способности восстанавливаться (зачастую быстро) и пересматривать свою реакцию на те или иные обстоятельства. Клеменс Гумберт отмечает: «Жерар Бушар выделяет три типа гибкости и способности меняться: а) стойкость как форма успешного противостояния и сопротивления внешним потрясениям и умение вернуться к прежнему состоянию; б) стойкость как форма успешной адаптации к новым обстоятельствам, предполагающей приспособление, преодоление и компромисс; в) стойкость как возможность творчески реагировать на новые испытания, находя оригинальные решения и преуспевая вопреки неблагоприятной ситуации» (Bouchard 2013: 267; ср. Humbert 2019: 215).

Каждый из этих типов требует от человека в той или иной мере принять обстоятельства, часто им не вызванные и ему неподвластные, и приспособиться к ним. По мнению Джонатана Джозефа, это связано с тем, что «общества приспособляются к изменениям, навязанным им извне» (Joseph 2013: 38), а значит, человек должен проявлять стойкость, но не настойчивость, поэтому самостоятельно спланированный маршрут превращается в вынужденный. Разумеется, стойкость одновременно сама становится объектом контроля и позволяет до некоторой степени контролировать ситуацию, определяя критерии приемлемых реакций и степени вовлеченности, в большей степени опосредованные коллективным поведением (то есть в конечном счете контролем со стороны общества), чем логикой индивидуального развития и самостоятельных действий.

И какова же роль вязания в этой дискуссии? Пожалуй, та же, что и всегда: оно олицетворяет рамки приемлемого для общества поведения: поступать в соответствии с нормами морали, избегать праздности, делать что-нибудь полезное. Вязание — основанное на

повторяющихся движениях размеренное занятие, задействующее руки, глаза, мозг и все тело; это успокаивающая, даже медитативная практика, отмеряющая время и предполагающая поддающийся измерению результат. Вязание соединяет петли и объединяет людей, собирающихся вместе, чтобы освоить новые навыки. Оно дает возможность что-нибудь сделать — и, может быть, даже делает нас «лучше».

Заключение

Социолог Зигмунт Бауман был уверен, что сейчас мы живем «фрагментарной жизнью», и эта фрагментарность породила ощущение утраты своего места, смятения, а когда распались большие нарративы, религиозные убеждения вытеснило мышление нью-эйдж, предпочитающее активный подход к духовной жизни, помогающий уйти от повседневных забот и рутины. Вязание предстает как способ добиться этого, не прибегая к религиозным практикам, и пример занятия, создающего атмосферу покоя или состояние «потока». Благодаря повторяющимся движениям и ритмичности вязание способно посредством физического воздействия настраивать ум на созерцание — при этом человек занят чем-то поддающимся измерению и «полезным». В этом отношении традиционные интерпретации роли вязания в культуре и его цели (занятость, полезность, благотворительность) сближаются с более рациональными и научно обоснованными практиками, например трудотерапией и психотерапией, а также с популярными техниками расслабления и медитации.

Именно на таком подходе основаны представления об эмоциональном благополучии и стойкости, но у них есть и политический аспект, соотносящийся с викторианскими представлениями о саморазвитии, уверенности в своих силах, индивидуализме и занятости. Эмоциональное благополучие и стойкость — понятия, ставшие частью неолиберального дискурса, возлагающего на человека ответственность за умение достичь этих состояний. Это во многом спорный тезис, так как он подразумевает, что все люди наделены равными способностями, опытом и возможностями, а потому навязывает ощущение собственной несостоятельности и культивирует чувство вины. К тому же в этой концепции на первый план выходят продуктивность и процесс, понятия и практики, ассоциируемые с оплачиваемой работой, а к вязанию это в данном случае не относится — то есть форма досуга, пусть даже лечебного, загоняется в рамки бизнес-структур и результатов.

Конечно, едва ли вязание — панацея от всех недугов, да и не всем оно по душе, но оно действительно дает возможность позаботиться

о собственном здоровье и эмоциональном благополучии, особенно ничем не жертвуя и не рискуя. Но нам, пожалуй, следует подумать о том, чтобы уделять больше внимания здравоохранению и социальной защите, выстраивая общество, члены которого получают поддержку и заботу, поэтому могут обойтись без чрезмерной стойкости.

Перевод с английского Татьяны Пирусской

Литература

- Bauman 1995* — Bauman Z. *Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality*. Oxford: Blackwell, 1995.
- Bing 1981* — Bing R.K. *Occupational Therapy Revisited: A Paraphrastic Journey* // *American Journal of Occupational Therapy*. 1981. No. 35. Pp. 499–518.
- Bockhoven 1977* — Bockhoven J.S. *Legacy of Moral Treatment, 1800–1910* // *American Journal of Occupational Therapy*. 1977. No. 25.
- Bouchard 2013* — Bouchard G. *Neoliberalism in Québec: The Response of a Small Nation under Pressure* // Hall P.A., Lamont M. (eds) *Social Resilience in the Neoliberal Era*. N.Y.: Cambridge University Press, 2013. Pp. 267–292.
- Humbert & Joseph 2019* — Humbert C., Jonathan J. *Introduction: the Politics of Resilience: Problematising Current Approaches* // *Resilience*. 2019. 7:3. Pp. 215–223.
- Burman 1999* — Burman B. (ed.) *The Culture of Sewing*. Oxford: Berg, 1999.
- Carden-Coyne 2019* — Carden-Coyne A. *Butterfly Touch: Rehabilitation, Nature and the Haptic Arts in the First World War* // *Critical Military Studies*. 2019.
- Christiansen & Baum 1997* — *Occupational Therapy: Enabling Function and Well-Being* / Ed. by C. Christiansen, C. Baum. London: Bond, 1997.
- Corkhill et al. 2014* — Corkhill B., Hemmings J., Maddock A., Riley J. *Knitting and Well-being* // *Textile*. 2014. 12:1. Pp. 34–57.
- Jonathan 2013* — Jonathan J. *Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach* // *Resilience*. 2013. 1:1. Pp. 38–52.
- Lydon 1998* — Lydon S.C. *The Knitting Sutra: Craft as Spiritual Practice*. San Francisco: Harper, 1998.
- Lydon 2005* — Lydon S.C. *Knitting Heaven and Earth*. N.Y.: Broadway Books, 2005.
- Manning 2004* — Manning T.J. *Mindful Knitting: Inviting Contemplative Practice to the Craft*. Boston: Tuttle Publishing, 2004.
- Murphy 2002* — Murphy B. *Zen and the Art of Knitting*. Avon, MA: Adams Media Corporation, 2002.

Murphy 2004 — The Knitter's Gift: An Inspirational Bag of Words and Wisdom, and Craft / Ed. by B. Murphy. Avon, MA: Adams Media Corporation, 2004.

Nead 1988 — Nead L. Myths of Sexuality. Oxford: Blackwell, 1988.

Parker 1996 — Parker R. The Subversive Stitch. London: The Women's Press, 1996.

Pearl-McPhee 2005 — Pearl-McPhee S. At Knit's End: Meditations for Women Who Knit Too Much. North Adams: Storey Publishing, 2005.

Pettigrew et al. 2017 — Pettigrew J., Robinson K., Moloney S. The Bluebirds: World War I Soldiers' Experiences of Occupational Therapy // The American Journal of Occupational Therapy. 2017. 71 (1).

Scruggs 2004 — Scruggs A.O. Beyond Stitch and Bitch: Reflections on Knitting and Life. Hillsboro, OR: Beyond Words Publishing Inc., 2004.

Townsend & Friedland 2016 — Townsend E., Friedland J. 19th & 20th Century Educational Reforms Arising in Europe, the United Kingdom, and the Americas: Inspiration for Occupational Science? // Journal of Occupational Science. 2016. 23 (4). Pp. 488–495.

Turney 2009 — Turney J. The Culture of Knitting. Oxford: Berg, 2009.

Yair 2011 — Yair K. Crafts and Wellbeing. London: Crafts Council, 2011.

Примечания

1. Многие тексты написаны с поистине религиозным пылом и рвением.
2. Этот рассказ изложен в: Turney 2009.